

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Л. Н. Терентьева. *Колхозное крестьянство Латвии (Историко-этнографическая монография по материалам колхозов Екабпилсского района Латвийской ССР)*. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. LIX, М., 1960, 370 стр.

Монография Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии» посвящена одному из важнейших вопросов современности — изучению процессов, происходящих в сознании и быте колхозного крестьянства Советской Латвии. Исследование этой проблемы особенно актуально для Латвии, не так давно вступившей на путь строительства социализма. Здесь наиболее ярко прослеживаются как черты формирования нового социалистического сознания, изменения быта, материальной и духовной культуры, так и некоторые вредные пережитки прошлого, борьба с которыми является первостепенной задачей в наши дни.

Научная значимость монографии возрастает в связи с тем, что это первый обобщающий труд, посвященный изучению культуры и быта колхозного крестьянства Латвии.

Книга «Колхозное крестьянство Латвии» является результатом большой исследовательской работы Л. Н. Терентьевой. Автор поставил перед собой сложную задачу — показать процесс преобразования культуры и быта крестьянства Латвии под влиянием колхозного строя.

Монография написана на обширном фактическом этнографическом материале. Основная часть исторического собрания Л. Н. Терентьевой в исследуемом районе и публикуется впервые.

Ею использованы также данные архивов и музеев, литературных источников, в том числе советской периодической печати.

Монография как бы делится на две части: в первой — рассматриваются культура и быт крестьянства Екабпилсского уезда в период царского самодержавия и буржуазной диктатуры в Латвии, вторая — посвящена изучению изменений, происходящих в жизни трудящихся Латвии в период строительства социализма. В первой главе автор ставит перед собой задачу проследить положение различных социальных слоев крестьянства Екабпилсского уезда в период бурного развития капитализма. На основе анализа социально-экономического развития крестьян Екабпилсского уезда во второй половине XIX — начале XX в., изучения их материальной культуры (поселений, жилища, пищи, одежды) и семейного быта Л. Н. Терентьева приходит к выводу, что социальная дифференциация привела к существенным различиям в образе жизни и культурном уровне различных слоев крестьянства.

Во второй главе автор показал борьбу трудящихся за Советскую власть и ее первые мероприятия по улучшению материального и культурного положения трудящихся. Латышской буржуазии при поддержке международной контрреволюции удалось задушить молодую Советскую республику, и в Латвии была установлена буржуазная диктатура. Автор сумел показать, как буржуазное правительство Латвии при проведении земельной реформы создало себе опору в лице усилившейся кулацкой прослойки деревни. Л. Н. Терентьева разоблачила миф о классовом мире и единстве интересов всего крестьянства в буржуазной Латвии, показав, что противоречия между безземельными, составлявшими подавляющее большинство сельского населения, и небольшой кучкой сельской буржуазии в этот период еще больше обострились. На основе анализа конкретного материала по Екабпилсскому уезду автор приходит к выводу, что различия в материальной культуре различных социальных слоев крестьянства, наметившиеся во второй половине XIX и начале XX в., в этот период еще более усилились. Быт сельской буржуазии все более приближается к быту городской буржуазии, что находит свое проявление в устройстве жилища, в пище и одежде, в то время как сельский пролетариат все более и более разоряется. Автор показал, что господство частной собственности разлагающе влияло на семейные отношения и усиливало неравноправное

положение отдельных членов семьи. Определяющим фактором во взаимоотношениях членов крестьянской семьи все более становится расчет, оказывающий решающее влияние на взаимоотношения родственников. Браки все чаще заключались между людьми одной социальной прослойки.

Однако, несмотря на постоянное преследование и террор, передовая часть крестьянства и интеллигенция вела в подполье непрекращающуюся борьбу за восстановление Советской власти. На фоне того исторического экскурса о тяжелом положении крестьян Екабпилсского района в условиях капитализма, который дает автор, особенно наглядными становятся изменения, происшедшие в экономике и быту колхозников этого района в наши дни. После установления Советской власти в Латвии жизнь крестьянства строится на новых, социалистических началах. Коллективизация сельского хозяйства и оснащение колхозов передовой современной техникой открыли широкую дорогу для зажиточной и культурной жизни всех трудящихся села. Из года в год увеличиваются доходы колхозов и растет материальное благосостояние колхозников. Постановления ЦК КПСС и Советского правительства способствуют дальнейшему развитию экономики сельского хозяйства и стиранию граней между бытом трудящихся города и деревни. Колхозный строй в корне изменил сознание и быт крестьянства. Л. Н. Терентьева проследила, как на базе новых экономических и общественных отношений изменился культурный облик латышской деревни. В работе показан сложный процесс социалистического строительства и влияние его на изменение сознания бывшего единоличника-крестьянина. Новые черты в сознании колхозников проявляются в отношении к труду и общественной собственности, а также в быту. Показ автором изменений в сознании крестьянства под влиянием колхозного строя в Латвии имеет большое значение в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Несмотря на большое значение монографии Л. Н. Терентьевой в целом, необходимо отметить ряд неточностей и недостатков. Для лучшего отражения содержания работы автору следовало бы уточнить название монографии, так как приводимый в монографии материал охватывает только колхозы Екабпилсского района. Вызывает возражение структура работы. Для того чтобы показать достижения в быту и культуре колхозного крестьянства, необходим исторический экскурс; однако материал, относящийся к прошлому, занимает слишком большое место в работе: 200 страниц из 365.

Рассматривая крестьянские хозяйства в период буржуазной Латвии, автор неправильно разграничивает кулацкие и капиталистические хозяйства, так как в период империализма кулацкие хозяйства по существу своему были капиталистическими (стр. 127—128).

При характеристике ухудшения положения сельскохозяйственных рабочих в буржуазной Латвии (стр. 132) было бы желательно дать конкретные цифры снижения зарплаты. Говоря о занятиях населения Екабпилсского уезда в прошлом, автору необходимо было бы больше акцентировать внимание на особенности быта населения прибрежной полосы Даугавы, занимавшегося рыболовством и сплавом леса. В монографии же лишь констатирован факт существования этих промыслов, но отличие быта этих групп населения от быта населения, занимающегося только сельским хозяйством, не показано. Характеризуя обстановку, в которой проходил процесс коллективизации в Латвии, автору следовало бы больше уделить внимания отношению к нему различных социальных слоев крестьянства.

В ряде случаев Л. Н. Терентьева для объяснения выдвигаемых положений о развитии внутрисемейных отношений в буржуазной Латвии и раньше приводит примеры, встречающиеся в крестьянской среде очень редко. Поэтому эти примеры не дают правильного отражения жизни крестьянства в целом. Например, приводимый на стр. 171 факт ухода крупного усадьбовладельца Грекериса в примаки после продажи им собственной усадьбы можно отнести к фактам исключительно редким. К таким же примерам можно отнести и случай с батрачкой, трижды вышедшей замуж за престарелых дворохозяев с целью обеспечить свое положение (стр. 308).

К неудачным примерам можно отнести также украшение невесты венком из материи и искусственных цветов в конце XIX в. (стр. 75), захоронение покойника в конце XIX в. без нижнего белья и обуви, а в период буржуазной Латвии в нескольких дорогих платьях (стр. 76, 167), запрещение женщине после родов посещать церковь в течение шести недель (стр. 92) и другие. Если в исследуемом районе встречались такие явления, то их следовало бы оговорить особо, так как в других областях Латвии они исключительно редки. Относительно последнего примера следовало бы указать, что в лютеранских приходах Латвии (а Екабпилсский район преимущественно лютеранский) такого запрета не существовало. Упоминаемый запрет относится к католическим районам. Песня, приводимая для характеристики тяжелого положения батрачества в годы буржуазной Латвии (стр. 173), на наш взгляд, неудачна по содержанию и в художественном отношении.

Автор преувеличивает распространение в крестьянской среде в конце XIX в. браков и наречения имени ребенку без церковного ритуала (стр. 102). Это противоречило бы законодательству царской России, где официальным признавался только церковный брак.

Вызывает возражение оценка, даваемая автором похоронному обряду. У латышей не было принято приглашать на похороны специальных плакальщиц, сам обряд проходил в относительно спокойной обстановке, однако Л. Н. Терентьева слишком подчеркивает значение в нем увеселительных моментов (стр. 95, 358 и др.).

По мнению рецензентов, в монографии при анализе семейных отношений не следовало приводить полных фамилий информаторов.

Несмотря на указанные недостатки, работа Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии» — значительный вклад в советскую этнографическую науку.

Л. Ефремова, М. Слава, Э. Чивкуль

От редакции: Ряд положений данной рецензии вызывает сомнения. Придавая особое значение обобщающим работам, посвященным этнографическому изучению колхозного крестьянства народов СССР, редакция предполагает в дальнейшем вернуться к обсуждению книги Л. Н. Терентьевой.

Mulgi kirikindad ja kirisukad. «Vanavara salvest». Koostanud L. Saks. Toimetanud A. Moora. Eesti Riiklik Kirjastus. Tallinn, 1960, 87 стр.

С 1960 г. Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР начал выпуск серии альбомов «Из сокровищниц старины» («Vanavara salvest»), посвященных крестьянскому быту и народному искусству. Первый вышедший в свет альбом «Узорные варежки и носки мульгов» («Mulgi kirikindad ja kirisukad») ¹ составлен Л. Сакс (редактор А. Моора). Альбом содержит большое количество иллюстраций — 186 рисунков в тексте и 47 таблиц. Из них 14 таблиц цветных рисунков, 8 таблиц фотоснимков, а остальные иллюстрации — образцы орнамента, выполненные группой тартуских художников. В альбоме даны историческое введение и объяснительный текст.

Выбор темы для настоящего альбома несомненно можно признать удачным. Прежде всего, он послужит практическим пособием для вязания на спицах, которое имеет и в настоящее время широкое распространение в качестве как женского рукоделия в деревне и в городе, так и одной из отраслей эстонского прикладного искусства. Далеко за пределами республики известны эстонские вязаные свитеры и кофточки, перчатки и шапочки, изготавливаемые мастерскими Государственного художественного фонда и районных комбинатов местной промышленности.

Вязание на спицах известно на территории Эстонии издавна и играло важную роль в домашнем ремесле. Однако первые археологические и литературные данные о вязании на спицах у эстонцев, известные нам, относятся только к XVII в. Есть все основания полагать, на что указывает и автор альбома, что оно было распространено у эстонцев значительно раньше.

Одной из особенностей рассматриваемой этнографической группы эстонцев-мульгов является весьма длительное сохранение в быту архаических форм материальной культуры, в то время как в социально-экономическом отношении район расселения мульгов был в конце XIX в. одним из наиболее развитых. Особенно упорно сохранялись у мульгов старинные формы одежды — туникообразная рубаха, несшитая поясная одежда и пр. В музее хранятся экземпляры варежек из этих районов, связанных иглой (старинная техника, предшествовавшая вязанию на спицах и в других местах Эстонии).

Связанные на спицах варежки и чулки мульгов также отличаются своеобразием, что проявляется прежде всего в их форме и расцветке, а также в орнаменте. Территория расселения мульгов в XIX в. распадалась на восточную и западную часть. Восточную часть составляли приходы Паисту, Тарвасту, часть Хельме и Вильянди, в которых проявлялось больше новшеств и сильнее сказывалось влияние соседних районов, чем в западной части, охватывавшей приходы Халлисте и Каркси.

Составитель альбома расположил вещественный материал музея по данной теме с первой половины XIX в. (наиболее старые экземпляры варежек). Со второй половины XIX в. появляются и перчатки, которые считались принадлежностью праздничного костюма.

И женские, и мужские варежки мульгов выполнялись, как правило, узорной вязкой. В первой половине XIX в. узор выполнялся обычно двумя цветами — черной и белой шерстью или синей и белой. В западной части Мульгимаа такая расцветка сохранялась еще и во второй половине века. Для этого района характерно также вязание варежек (как и чулок) из очень тонкой шерсти. В восточной части Мульгимаа для вязки употребляли грубого прядения шерсть и, кроме двуцветных варежек, вязали также белые с разноцветной узорной запястной частью. Шерсть для этого, как и для других элементов

¹ Мультгами называются представители своеобразной этнографической группы эстонцев, населяющие по современному административному делению Абыский, частично Вильяндиский и Валгаский районы. Иногда эту группу называют южно-сакалской, так как она совпадает с южной частью древней эстонской «земли» Сакала. Мультги имеют особый диалект и ряд отличий в быту и материальной культуре.